

Сергей Осташко

И в рифму, и всерьез

30 лет назад, 30 июля 1985 года перестало биться сердце прекрасного одесского поэта, певца Причерноморья Владимира Викторовича Домрина.

К сожалению, мы знали Владимира Викторовича очень недолго. Всего каких-нибудь два года. Я говорю «мы», имея в виду меня и моего друга со студенческих времен Славика Пелишенко, с которым в 1981 году попутешествовали на парусной яхте «Юрий Гагарин» (порт приписки Ильичевск) от Одессы до Астрахани. Нас познакомил, правда, заочно, тогдашний редактор ильичевской газеты «Маяк» Анатолий Станчев. В газете публиковались наши путевые заметки, которые, как мы самоуверенно считали, рано или поздно обязательно должны превратиться в книгу. И в какой-то момент Анатолий Георгиевич сказал нам: «А вы сходите на заседание литературной студии у нас во дворце культуры. Там занятия ведет прекрасный поэт, в прошлом заведующий редакцией художественной литературы издательства «Маяк», и вообще – классный мужик. Познакомитесь, посоветуетесь. Он обязательно что-то подскажет».

Когда в ближайшую среду мы со Славиком бочком протиснулись в комнату, где собиралось ЛИТО, и представились, оказалось, что наши фамилии Домрину знакомы. Он читал наши опусы с продолжением в «Маяке» и даже, как он сказал, очень хотел познакомиться. Впрочем, не исключено, что последнее было просто данью вежливости. А вот то, что опусы читал, причем внимательно, оказалось чистой правдой. Небольшой «разбор полетов» наших последних газетных подач, устроенный тут же, и несколько дельных советов были этому подтверждением. «Будете перера-

батывать в книгу – учтите», – посоветовал Владимир Викторович, заканчивая разбор.

Студийцы первоначально отнеслись к нам настороженно: «Что это за одесские цацы понаехали?» – но, узнав, что стихов мы не пишем (во всяком случае, не показываем), а занимаемся исключительно прозой и юмором, расслабились. И мы, сами того не замечая, влились в дружный коллектив ЛИТО, стали каждую среду ездить в Ильичевск на автобусе и возвращаться на домринской машине. И эта обратная дорога была, пожалуй, самым интересным из всех литературных посиделок – Домрин был прекрасным рассказчиком. Впрочем, и сами посиделки нам нравились той неповторимой атмосферой иронической доброжелательности, которую умел создать руководитель. Он никогда не ругал даже откровенно слабые стихи, а умел очень мягко указать на ошибки, и в своих следующих творениях самодеятельный поэт старался их учесть. Правда, это не всегда получалось, но было видно, что человек старается.

Мне запомнился тезис, который Владимир Викторович втолковывал студийцам: «Практически в каждой строфе любого стихотворения есть одна лишняя строчка. И когда вы научитесь в своих стихах находить эту лишнюю строчку и менять ее, вы станете настоящими поэтами. Впрочем, и у маститых поэтов тоже попадают лишние строчки».

Были и другие приемы воспитания «настоящих поэтов», которые я, увы, не запомнил. И эти приемы давали результат. Мастерство студийцев росло от занятия к занятию. Сколько лет прошло, а я до сих пор помню некоторые фамилии и ощущение от стихов: мягкую лирику Ивана Гаврюка, ставшего профессиональным литератором, членом Союза писателей, иронические стихи Коли Литовских, пронзительную женскую поэзию Тани Яновой, впоследствии ставшей Веселовой и уехавшей на ПМЖ в Россию, вечные и не всегда удачные эпиграммы плодovitого Толи Яни. И, конечно же, самую яркую звезду студии Марину Хлебникову. Я помню, как ее буквально за руку привел в студию ее муж Сергей со словами: «Вот, моя жена вдруг начала писать стихи. Послушайте, мне кажется, они неплохие». И как потом мы практически все оставшееся время занятия,

затаив дыхание, слушали эти самые «неплохие» стихи, каждый раз прося еще и еще. И даже самые ревнивые к чужим достижениям ильичевские литераторы не могли не признать – вот он, настоящий талант. А Домрин сказал это прямым текстом: «Девочка, тебе обязательно нужно закончить литературный институт в Москве».

Знакомил нас Домрин и с лучшими одесскими поэтами, которых привозил на заседание студии. Благодаря ему мы познакомились с творчеством Исмаила Гордона, Станислава Стриженюка, Анатолия Глушака и многих других.

Постепенно наше знакомство переросло в дружбу. Мы со Славой начали бывать у Домрина дома, познакомились с его очаровательной женой, а по совместительству и музой Лесей, стали ездить на домринской машине по его приглашению уже в оба конца, что в два раза увеличило радость нашего общения. Именно тогда мы узнали о чудном месте напротив Очакова – Кинбурнской косе, «где воздух такой, что его можно пить». У Владимира Викторовича на косе была дача, и мы получили приглашение летом на ней отдохнуть.

В одну из таких поездок в Ильичевск мы, делая вид, что не смущаемся, вручили Учителю папку с рукописью наших путевых заметок «Хождение за два-три моря» и попросили прочитать и высказать свое мнение. «Да-да, конечно, обязательно прочитаю», – пообещал мэтр и положил папку на заднее сидение. И мы стали ждать.

Прошла неделя, другая, месяц, второй. На наши робкие напоминания Владимир Викторович виновато оправдывался – то нужно сдать рукопись в печать, то «написать сложную рецензию на одну бездарную книжку, причем написать так, чтобы все поняли, что книга бездарная, а автор этого не понял».

И вот поздней весной настал, наконец, долгожданный момент. Когда мы со Славой упаковались на заднее сидение двухдверной «Нивы», Домрин протянул нам папку со словами: «Прочел вашу повесть. Посмотрите, там есть пометки». Мы уткнулись в рукопись и обнаружили нечто странное. На первых десяти страницах действительно были карандашные пометки, а остальные 250 страниц сияли девственной чистотой. Мы недоуменно перегляну-

лись: «Владимир Викторович, а что – вы не все прочли? Вам было неинтересно?». И тут мэтр пролил бальзам на наши неокрепшие литературные души.

«Вы понимаете, ребята, я начал было читать вашу рукопись, как обычно читаю молодых авторов – с карандашом в руках. Но вдруг увлекся и за одну ночь проглотил все. Вы написали хорошую вещь, ее нужно печатать так, как она есть. И я вам в этом помогу. А мелкие шероховатости мы обсудим летом, когда вы будете отдыхать у меня на даче».

К сожалению, выполнить свое обещание поэт не успел. Мы с семьями таки поехали на Кинбурнскую косу на две недели, а Домрина задержали в городе дела. Мы еще успели, вернувшись, созвониться с Владимиром Викторовичем и пообещать через пару дней заехать в гости.

А через пару дней Поэта не стало...

Позже выяснилось, что Домрина вызывали в обком партии, и секретарь устроил ему настоящую истерику, с криками, брызганием слюной и угрозами «партбилет на стол». Когда Владимир Викторович вернулся домой, ему стало плохо с сердцем, а Леся была на косе. Она и обнаружила его на следующий день с рукой, протянутой к телефону, по которому он так и не успел вызвать «скорую».

Когда прошли все печальные мероприятия: похороны, 9 дней, 40 дней, Леся пригласила нас со Славой и вручила несколько папок с машинописными и рукописными короткими стихами. «Вот, ребята, это черновики «Книги юмора», которую Володя мечтал издать всю свою жизнь. У меня к вам будет просьба. Составьте эту книгу, как сочтете нужным. Володя очень доверял вашему вкусу».

Работа над книгой заняла больше двух месяцев. Мы вычитывали стихи, сортировали их по темам, спорили, какой из двух вариантов одной эпиграммы лучший... И наконец вручили Лесе перепечатанный начисто результат своих работ. В качестве эпиграфа к книге мы выбрали эпитафию, написанную Домриным самому себе, которая оказалась пророческой:

«Вот, товарищи, об ком позаботился обком».

К сожалению, домринская «Книга юмора» так и не была издана. То ли ее юмор для одесского издательства «Маяк» оказался слишком острым, то ли об этом позаботился вышеупомянутый обком. А когда стало возможным печатать за свой счет, настал финансовый кризис. Через пару лет Леся уехала к дочери за границу, и мы считали, что рукопись утеряна безвозвратно. Но, как известно, рукописи не горят, и недавно выяснилось, что весь домринский архив, в том числе и подготовленную нами к печати «Книгу юмора», Леся перед отъездом оставила старинному другу Владимира Викторовича, прекрасному украиноязычному поэту Станиславу Стриженюку. И я подумал: а может, уже в наше время с помощью Всемирного клуба одесситов удастся воплотить в жизнь мечту Владимира Викторовича Домрина?

А пока книга еще не издана, предлагаю читателям альманаха «Дерибасовская – Ришельевская» познакомиться с некоторыми юмористическими миниатюрами поэта, чудом сохранившимися уже в моем архиве.